

Россия. — 2003. — 6 нояб. — с. 14

Валерий Тодоровский:

Я не отказывался от возможностей, которые давало время

Беседовала Татьяна Ясинская

Мало того, что он — сын известного российского оператора и кинорежиссера Петра Тодоровского («Верность», «Фокусник», «Любимая женщина механика Гаврилова», «Военно-полевой роман», «Анкор, еще анкор!», «По главной улице с оркестром» и др.), так его повзвелевшая бабкой тоже выступило кино. Причем мирового класса. В мае 1962 года на Одесскую киностудию чудом попала картина Альфреда Хичкока «Психоз», посмотрев которую, мама немедленно произвела на свет Валерия.

С малолетства отец брал его с собой на съемки. Кинопавильон стал для Тодоровского-младшего родным домом, где он знал все: как крепятся декорации, где устанавливаются камеры, куда подвешиваются софиты... «Мне нравилось, что отец в этом мире — главный. Я захотел стать таким же».

И стал, пройдя сначала краткий актерский курс («Странная женщина») и обретя серьезный опыт сценариста («Человек свиты», «Бич Божий», «Циники», «Над темной водой» и др.). Его собственное режиссерское кино стильно и страстно, изобретательно по форме и, как правило, остро социально по сути. Он любит и умеет рассказывать небанальные и одновременно очень понятные и очень трогательные истории. Мастерски раскрывает актерские таланты. Поэтому его фильмы знают и любят. Тем более что все они — о любви: «Катафалк», «Любовь», «Подмосковные вечера», «Страна глухих», «Любовник».

Собственные сердечные истории и семейные тайны — если таковые вообще имеются — необыкновенно молодежничат в вид сорокалетнего режиссера тщательно скрывает. В российских киношных кругах он слышит редкостным трудолюбом. Сами попробуйте мысленно уложить все вышеперечисленные творческие подвиги в два десятка лет. Это же...

Но и этого ему, как оказалось, мало. С недавних пор Тодоровский-младший — продюсер по кинопроизводству телеканала «Россия». Когда после тщательных размышлений Валерий решил занять этот пост, кто-то из знакомых поинтересовался: мол, удасться ли ему стать таким же хорошим продюсером, как сценаристом и режиссером? «К поражениям я не готов», — лаконично ответил Валерий. — Не привык».

— Ваш режиссерский дебют — фильм «Катафалк» — был снят по новелле Ф. О. Коннора, которая называлась «Береги чужую жизнь — спасешь свою». Эти слова для вас — кредо или случайное совпадение?

— Случайное совпадение. Точно так же, думаю, и писательница Фланнери О'Коннор могла совершенно по-

другому назвать свой рассказ. Я, кстати, до сих пор не очень точно помню, как он называется. Он случайно попал мне в руки в юности, в больницы библиотеке. История запомнилась, запала в голову. А когда появилась возможность снимать первый фильм, я ее вспомнил. Она показалась мне очень трогательной — и сама история, и вся ситуация. Так что название — чистая случайность.

— Интересный ряд случайностей получается: большая библиотека, катафалк... Не странно ли, что молодой режиссер начинает с такой, мягко скажем, странной ноты?

— Да нет. Не стоит искать закономерностей в случайном. Я оказался в больнице, потому что многие годы страдал язвой желудка и регулярно там лежал. Читал книжки, конечно, — что еще делать в больнице? И все. Кстати, «Катафалк» до сих пор считаю не слишком удачным названием, но в тот момент почему-то именно оно пришло.

— И «выстрелило», запомнилось.

— Да, безусловно. Фильм был учебный, очень малобюджетный, на весь процесс было месяца два, потому с названием долго не раздумывали. Назвали — и все.

— Однако вы сразу получили за «Катафалк» признание на российском фестивале «Дебют» и награду 39-го международного кинофестиваля в Мангейме. Вы вообще считаете себя удачником по жизни? Когда в первый раз по вашему сценарию был снят фильм «Человек свиты», вам было, кажется, лет двадцать. А актерский дебют состоялся еще раньше — в четырнадцать. Поразительно ранний старт! Или вы считаете — ничего особенного?

— Не знаю, что считать удачей, что — нет. Думаю, в момент первого фильма по моему сценарию мне было не двадцать, а года 22—23 все-таки. А на самом деле все у меня складывалось хорошо и удачно потому, что я чувствовал и умело пользовался обстоятельствами.

— Семейными или вообще всеми?

— Никаких особых семейных «подпорок» у меня не было — дважды неудачно поступал на режиссерский фа-

культет ВГИКа. В третий раз поступил — так и получилось. Зато счастливые обстоятельства заключались в том, что я попал в кино в тот момент, когда менялась страна. Попал в перестройку и в ту ситуацию, когда еще действовала прежняя государственная система. Свой дебютный фильм успел сделать на государственной студии «Дебют», на государственные деньги. Зато вторую картину — «Любовь» — снимал, когда уже действовал рынок, и пришлось брать кредит в банке. Но это был еще тот момент, когда кредиты на кино давали. Потом давать перестали и не давали еще десять лет. То есть я имею в виду, что попал в эпоху, когда такой человек, как я, на тот момент еще и не имевший режиссерского диплома — а в Советском Союзе без него нельзя было снимать кино, — все-таки его снял. И позже я вписался во время в том смысле, что не был вынужден, как многие другие, уйти из кино, чтобы зарабатывать на хлеб где-то на стороне. Я занимался тем, что люблю, каждый раз удачно подхватывая свой шанс. И пользовался этим шансом.

— Вы считаете, что пользовались им в полной мере? Судя по призам, безусловно — ведь ни один ваш фильм не остался незамеченным.

— Я пользовался в той мере, в которой мне был дан талант это делать. Может, мог бы пользоваться гораздо лучше или гораздо хуже, но я проживал свою собственную жизнь, и моя удачливость — если вернуться к этой теме — заключалась в том, что я не делал глупостей и не отказывался от возможностей, которые это время мне давало. Вот в этом была удача.

— Что вам не позволило пойти той ложной черной дорогой, по которой в первые годы постсоветской свободы пошли очень многие талантливые люди в России — режиссеры, актеры, сценаристы? Ведь был период совершеннейшего кинокошмара, а вы в тот момент сняли «Любовь» — фильм в огромной мере трагический, говоривший о бедах не только конкретных людей, но страны в целом. И все-таки — фильм о подлинной любви.

— Я не очень понимаю, что вы имеете в виду, когда говорите о «черной дороге».

— Да просто «чернуху», которая разливной рекой лилась с экранов, и нормально дышать, казалось, уже невозможно.

— Я полагаю, ничего не бывает случайного. Если люди снимают «чернушную» фильмы, значит, время такое. Поэтому я тут никого не виню. Думаю, в силу воспитания, а может быть, собственной трусости я знал только одно правило, которому стараюсь следовать и сейчас: надо делать то, что хочется. Мне папа когда-то это объяснял, и сам я это давно понял. Мне мучительно делать то, чего не хочется. Хотелось снимать фильм «Любовь», и я его снимал вне зависимости от того,

какая в этот момент существовала мода, какое кино считалось правильным или неправильным. Тогда, помню, все бросились снимать коммерческое кино, не умея этого делать и не понимая, что это такое и как это трудно, кстати. А я себе делал то, что хочется. Правда, всегда думал о том, что это должно быть как минимум еще кому-то интересно. Да и не тот я человек, который снимает «кино ни для кого». В этом была моя линия, которую я выдерживал. Фильмы у меня получились все разные. Какие-то люблю больше, какие-то меньше. Вообще оцениваю их сам с трудом. Насколько это вписывалось или не вписывалось во время? Не знаю. Просто я с удовольствием делал то, что хотел.

— Как вам кажется, у вас сложилась своя творческая команда и свой круг зрителей, как, скажем, у Киры Муратовой, Алексея Германа, Александра Сокурова?

— Не знаю. Никогда этим не интересовался. Знаю, что, слава богу, много людей мои фильмы видели — я просто с этим часто сталкиваюсь. Когда знакомлюсь с кем-то, бываю в других городах, вдруг обнаруживаю, что достаточно много людей мои фильмы видели. Сложился ли из них какой-то круг, право, не знаю. Что же, касается творческой команды, то у меня есть несколько человек, с которыми я работаю много лет и очень дорожу ими, потому что это действительно как семья. Надеюсь, новый фильм буду снимать с ними же. Кто-то, конечно, меняется, но в целом есть люди, с которыми мне хорошо работать.

— Зато актеры у меня все время разные.

— Вам интересно снимать разных?

— Конечно. С удовольствием снимаю новых артистов, как известных, так и неизвестных. Не знаю, почему так получается, но практически никто не снимаю по два раза. Артистов люблю, каждый раз с новым исполнителем начинается новая история — не только работы, но и взаимоотношений. Мне интересны новые люди.

— И это несмотря на то, что обычно к сорока годам каждый к «своему кругу» уже складывается у каждого человека?

— Нет, нет. Я открыт и для новых людей, и для новых историй, и для новых жанров, в которых еще хотел бы себя попробовать. Как раз напротив — очень настороженно отношусь к закрытым маленьким творческим сообществам, потому что у них всегда есть опасность свариться в собственный соку и произвести продукт, который только им самим и будет понятен и интересен.

— Еще одна ваша профессиональная роль — главного продюсера по кинопроизводству телекомпании «Россия» — идет вразрез с режиссерской деятельностью или дополняет ее?

— Я бы сказал так: творчески она не мешает несколько,

Фото Виктор Смольяников

потому что все, что я делаю как продюсер, мне очень интересно. Там есть свои удачи и неудачи, это достаточно сложная история — все, что касается телевизионного кино. Но я это делаю творчески, с большим пылом и жаром.

— Проблема только в том, что эта работа занимает 24 часа в сутки и тебя попросту съедает, не оставляя никакого времени и сил на что-либо еще. Но пока я как-то пытаюсь совмещать ее с собственными режиссерскими проектами. Постараюсь совмещать и впредь.

— Как ни странно, это вам хорошо удается. Фильм «Любовник», который был показан на недавнем фестивале российский-украинского кино в Вильнюсе и уже награжден на нескольких международных кинофестивалях, — яркое тому подтверждение.

— Спасибо. Но никаких секретов пока не раскрою.

— А сценарную работу вы продолжаете намерены?

— К сожалению, это то, что я потерял. Потому что режиссерскую и продюсерскую деятельность еще как-то совмещать можно, но писать сценарии — нет. Прекрасная провенанс сценариста подразумевает определенный образ жизни. Создатель пьесы, романа или сценария должен жить в покое, выключить хотя бы на неделю телефон, уехать куда-нибудь из города — сидеть и писать. Увы, я не могу себе этого позволить. А писать в паузах, перерывах, на ходу — просто невозможно. Поэтому сценариев я давно не пишу и порой испытываю не-

стальгию по этому занятию, возможно, одному из самых прекрасных, которыми я когда-либо занимался.

— Однако в какой-нибудь блокнотик идеи и сюжеты на всякий случай записываете, ведь так?

— Нет. Если идеи приходят, я их обычно озвучиваю кому-нибудь сценаристу, еще минут двадцать мы это вместе обсуждаем, и все.

— То есть великодушно дарите свои сюжеты другим?

— Да. Валерий, вы могли бы оценить состояние кинопроцесса в России в целом? Что вызывает опасение, надежды?

— Оценивать кинопроцесс — удел критиков и киноведов, которые имеют возможность делать это со стороны, объективно. А я весь внутри этого самого кинопроцесса. Единственное, что могу сказать, — появилось внутреннее ощущение, что начинается очень медленный и осторожный выход из многолетнего кризиса, который был в кино и в стране в целом.

— Это выражается в нескольких очень важных для меня вещах. Во-первых, в том, что зрители начали ходить в кинотеатры. Ходить реально, много, и не только в Москве, но и по всей стране. Во-вторых, каждый год появляется 5—7, а то и больше новых режиссерских имен, что еще невозможно было себе представить в 1995 году. Тогда было непонятно даже, откуда им взяться. А сегодня они появляются, и появляются с фильмами. Значит, имеют возможность что-то снять и

показать. В-третьих, те люди, что появляются, кажутся мне другими. Это новое поколение, с другим ощущением внутренней свободы, мира, какой-то легкости. Мне это очень приятно. Четвертый показатель — телевидение, начавшее производить собственное кино в огромных размерах. И, несмотря на то что многие считают эту продукцию не заслуживающей внимания, сегодня это реальный процесс, в который втянуты тысячи людей.

В связи с этим возрождаются многие кинопрофессии. А ведь 5—6 лет назад, представьте себе, были никому не нужны гримеры, звукорежиссеры, монтажеры, вторые режиссеры, реквизитеры и т.п. Многие из них стали тогда безработными, кому-то пришлось вовсе менять профессию. А сегодня их не хватает. Все, что хоть что-то умеет делать в кино, востребованы. В российском кино медленный и осторожный выход из многолетнего кризиса, который был в кино и в стране в целом.

— Все это для меня — признаки того, что начинается самораскручиваться и работать какой-то механизм, который должен в конце концов привести к тому, что фильмы будут лучше, они начнут приносить больше денег, деньги будут снова вкладываться в фильмы, появятся новые имена, и в России наконец возникнет новая киноиндустрия. Разная: коммерческая, некоммерческая, телевизионная, прокатная и т.д. — под общим названием «нормальное здоровое кино», которое никогда не состоит из одних шедевров или из одного мусора. Наде-

юсь, будет все: и мусор, и шедевры, и коммерческие картины, и авторские. И это мне нравится. Но это, повторяю, взгляд изнутри, так как я не аналитик и не киноведец. Оценить процесс точнее и глубже не могу.

— Валерий, как режиссера, блистательно раскрывшего многие актерские таланты — Евгения Миронова в «Любови», Владимира Машкова и Ингеборге Дапкунайте в «Подмосковных вечерах», Чулпан Хаматовой, Дины Корзун и Максима Суханова в «Стране глухих», — вас устраивает качество подготовки нынешних молодых актеров?

— Я не занимаюсь оценкой чужей работы. Я приглашаю сниматься только тех, кто мне лично понравился. Обычно это определяется путем проб, если речь, конечно, как в «Любовнике», не идет об Олеге Ивановиче Янковском. Но если я взял кого-то из молодых, значит, он мне нравится, значит, качество его подготовки меня вполне устраивает. А про остальных, кого не взял, я говорить не могу.

— В фильме «Любовник» на Олега Ивановича Янковского специально роль «шили»?

— Конечно. Там была такая история, которую мы со сценаристом на уровне разговора примерно одинаково поняли и немедленно стали обсуждать: кто может это сыграть? И ответ возник тут же — Янковский. Я не могу себе представить на этом месте другого артиста. Все остальные отбирались путем долгих размышлений и проб.